УДК 1:11/12

ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ

Харламова Г.С.

ГОУ ВПО «Ростовский государственный строительный университет», Ростов-на-Дону, e-mail: www.rgsu.ru/ouruniversity, harlamova.alina@mail.ru

Проведен анализ культуры как пространства, сложившегося в результате человеческой деятельности. Многообразие форм взаимодействия человека с миром обусловливает появление в культуре структурных компонентов, то есть позволяет исследовать генезис субпространств, в том числе и такого из них, как образование. Данный подход углубляет общепринятый «контекстный подход», создает предпосылки осмысления онтологического статуса образования, его сущностных характеристик как носителя черт целого (пространства культуры), его специфики, семантики, границ. Исследуется природа разграничения западноевропейских и российских принципов образования. Показано, что И.В. Киреевский – выразитель взглядов русских мыслителей начала XIX века – истоками границы между различными видами образованности считал такие основания культуры в целом, как римское христианство, мир необразованных варваров, разрушивших Римскую империю, и классический мир древнего язычества. По сути, Запад как тип культуры в целом и обусловил принципы просвещения, ориентированные на формальный разум – он торжествует над всем, что человека окружает и составляет его существо. Русскому же просвещению родственны идеи цельного духа, понимание просвещения как дарования света не только умственного и научного, но и нравственного, не только как поучения истинам, но и добру.

Ключевые слова: пространство культуры, субпространство, образование, границы западноевропейского и российского просвещения

EDUCATION SPACE: PROBLEM OF DISTINGUISHING BORDERS

Kharlamova G.S.

Rostov State Constructional University Rostov State University of Civil Engineering Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Professional Education of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Rostov-on-Don, e-mail: www.rgsu.ru/ouruniversity, harlamova.alina@mail.ru

A culture analysis as space which has developed as a result of human activity has been carried out. The variety of forms of interaction of the person with the world causes emergence in culture of structural components, that is allows to investigate genesis of subspaces, including such as education. This approach deepens standard «contextual approach», creates prerequisites of judgment of ontologic status of education, its intrinsic characteristics as carrier of features of a whole (culture space), its specifics, semantics, borders. The nature of differentiation of the West European and Russian principles of education is investigated. It is shown that I.V. Kireevsky – the spokesman of views of the Russian great minds of the beginning of the XIX century – considered the border between different types of education such bases of culture as the Roman Christianity, the world of the uneducated barbarians who destroyed the Roman Empire, and the classical world of ancient paganism. In fact, the West as culture type as a whole caused the principles of education focused on formal sense – it triumphs over everything that surrounds the person and constitutes his being. Russian education is close to ideas of integral spirit, to understanding of education as talents of light not only intellectual and scientific, but also moral, not only as studies about truth, but also studies about good.

Keywords: culture space, subspace, education, borders of the West European and Russian education

Особенностью исследований культуры последних лет стало ее рассмотрение как пространства, сложившегося в результате человеческой деятельности. Последняя вследствие исторической спецификации обусловливает появление в культуре многообразия структурных компонентов – субпространств. Эвристический потенциал понятия «пространство культуры» позволяет расширить представления об онтологических основаниях культуры, генезисе ее структурных компонентов (субпространств), осмысливаемых как результат разнообразных форм взаимодействия человека с миром – природным, социальным, индивидуальным, способностью человека придавать значения объектам, интерпретировать их конкретные признаки, наделять предметный мир идеологическим, мифологическим или иными смыслами.

Репрезентация культуры (здесь **репрезентация** – повторное воспроизведение виденного, слышанного, прочувствованного) как пространства позволяет с большей полнотой осмысливать ее как целое, которому имманентно присущи субпространства, обладающие чертами целого, его спецификой, семантикой.

Данный подход углубляет принятое ранее «контекстное» рассмотрение тех или иных проблем культуры, открывает возможность включения в исследования концепта границы и связанное с ним рассмотрение онтологических оснований пространства, наличие в нем таких зон, как центр-периферия, свой-чужой, внутренний-внешний, открытый-закрытый и др.

Граница (грань) в семантическом аспекте предполагает разделение двух качественно различных участков пространства, разграничение между двумя субпространствами [7]. Граница, не принадлежа ни одному из разделяемых участков пространств, аккумулирует множество значений. Так, например, считаясь ограничением зоны «своего», она есть вместе с тем и обозначение соседства с «чужим»; граница подчеркивает не только непроницаемость оградительной линии, но и возможность ее преодоления; помогает фиксировать качественную неоднородность разных субпространств, может служить знаком опасности «перехода» из одного участка в другой. Смыслы разграничения, связанные со спецификацией деятельности человека, несут такие понятия, как бытовое, научное (ньютоновское), мифопоэтическое пространство, художественное пространство [4; 8; 9], пространство образования [10, 56–61]. Пространство культуры обладает как границами внешними, подчеркивающими наличие природного и освоенного человеком миров, так и внутренними, выявляющими национальный склад ума, тип художественного воображения. Генетическая обусловленность пространства культуры деятельностной активностью человека предполагает впоследствии его трансформацию – превращение в фактор личностного развития [3; 6], национальной идентификации [1]. Осмысление культуры как структурированного пространства открывает возможность углубленного исследования такого ее компонента (субпространства), как образование – его онтологической укорененности, сущности, специфики, границ, национальных особенностей, в частности различия западноевропейских и российских принципов образования.

Условием возможности изучения истоков сложившегося к настоящему времени различия западноевропейских и российских принципов образования, их обусловленности процессами, свойственными конкретному типу культуры в целом, стали труды Киреевского И.В. Поколение русских мыслителей первой половины XIX века, к которому принадлежит И.В. Киреевский, формирование пространства образования связывает с заложенной в каждом человеке страстью к познанию и самопознанию. Олицетворяя цель человека и всего человечества, она способна приобрести силу нравственного мотива, воодушевить каждый народ, всю Вселенную. В развитии же подобных усилий и состоит суть просвещения. Оно содействует осознанности в собственных делах, помогает человеку определить сферы применения своих сил. То, как И.В. Киреевский и его современники понимали просвещение в первой половине XIX в., выразил В.И. Даль: «Просвещать, просветить – даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру; образовать ум и сердце. Просвещенье – свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностию; развитие умственных и нравственных сил человека; научное образованье, при ясном сознании долга своего и цели жизни. Просвещенье одною наукою, одного только ума, односторонне и не ведет к добру» [2]. Свою же задачу И.В. Киреевский видел не только в констатации общих для пространств культур Запада и России оснований развития. Главным он считал также и поиск причин, обусловивших возникновение их различий, отразившихся в теории и практике просвещения, причин, по которым была нарушена необходимая для просвещенного человека гармония умственного и нравственного, разума и сердца. Предприняв подробное изучение истории европейского католического и отечественного просвещения, мыслитель доказал, что основания единения умственного и нравственного заложены православной церковью. На протяжении столетий она сохраняла традиции древней восточной христианской образованности, и до сегодняшнего дня неизвестные Западу. Эти традиции, по мнению автора, должны сохраняться в качестве основания не только просвещения, но и всей общественной жизни Отечества: «…корень образованности России живет еще в ее народе, и, что всего важнее, он живет в его Святой Православной Церкви. Потому на этом только основании, и ни на каком другом, должно быть воздвигнуто прочное здание просвещения России, созидаемое доныне из смешанных и большею частию чуждых материалов и потому имеющее нужду быть перестроенным из чистых собственных материалов» [5].

Пространства культуры России и Запада, обусловливающие специфику своих структурных компонентов (субпространств), в частности пространств образования, имеют единую основу – христианство. Однако особенные виды христианства, особенный смысл быта определили и специфику направленности просвещения. Граница между различными видами образованности складывается, по И.В. Киреевскому, уже в первых элементах: в основании европейской образованности лежат римское христианство, мир необразованных варваров, разрушивших Римскую империю, и классический мир древнего язычества. По сути, он в своих основах представлял собой торжество формального разума человека

над всем, что человека окружает и составляет его существо. Формальный разум, основанный на самом себе (чистый разум), не признает ничего выше себя, явлен как формальная отвлеченность и отвлеченная чувственность. Европейская образованность и христианство приобретают соответствующий характер: отличаются именно тем же торжеством рационализма над Преданием, внешней разумности над внутренним духовным разумом. Так, вследствие этого внешнего силлогизма, выведенного из понятия о Божественном равенстве Отца и Сына, изменен догмат о Троице, вопреки духовному смыслу и Преданию; вследствие другого силлогизма папа стал главою Церкви вместо Иисуса Христа, потом мирским властителем, наконец, непогрешаемым; бытие Божие во всем христианстве доказывалось силлогизмом; вся совокупность веры опиралась на силлогистическую схоластику; инквизиция, иезуитизм – одним словом, все особенности католицизма развились силою того же формального процесса разума, так что и собственно протестантизм, который католики упрекают в рациональности, произошел прямо из рациональности католицизма. В этом последнем торжестве формального разума над верою и Преданием проницательный ум мог уже наперед видеть в зародыше всю теперешнюю судьбу Европы: и новую философию со всеми ее видами, и индустриализм как пружину общественной жизни, и филантропию (от фил... и греческого anthropos человек, то же, что благотворительность), основанную на рассчитанном своекорыстии, и систему воспитания, ускоренную силою возбужденной зависти. Следуя распространенным в России начала XIX в. убеждениям о смысле просвещения как единстве умственного и нравственного, И.В. Киреевский настаивал на необходимости считаться с тем, что в сердце человека есть такие движения, такие требования в уме, такой смысл в жизни, которые сильнее всех привычек и вкусов, выгод внешней разумности, без которых ни человек, ни народ не могут жить своею настоящею жизнью. Отдавая должное рациональности, И.В. Киреевский признавал ее лишь началом односторонним, хотя и обольстительным, но обманчивым и предательским. Доминирование рациональности вызывает состояние нравственной апатии, недостаток убеждений, всеобщий эгоизм, усиливает потребность в новой духовной силе вне разума.

Рационализм, пронизывающий частный и общественный быт Европы, ее субпространство образования, придает им специфический характер, диктуя в качестве основополагающего тезис об индивидуальной независимости, переходящей в индивидуальную изолированность. Каждый индивид – частный человек, рыцарь, князь или город – внутри своих прав есть лицо самовластное, неограниченное, само себе дающее законы. Уже своими первыми шагами в обществе каждый человек стремится окружить себя крепостью, то есть границами. Они сопутствуют любым общественным отношениям – переговорам с другими, независимыми властями и др. Характер европейской образованности, отличающийся перевесом рациональности, обнаружился не сразу, только впоследствии, когда логическое развитие, уже подавило христианское. И.В. Киреевский обращает внимание на механизмы, приведшие к углублению границ между пространствами культур: разделение Римской и Восточной церквей стало возможным с того момента, когда некоторые догматы, существовавшие в Предании всего христианства, были изменены на другие путем умозаключений, вопреки Преданию и духу Церкви Вселенской. Логическое убеждение, став самым первым основанием католицизма, использовалось в схоластической философии в качестве способа разрешения противоречия веры и разума. Сила силлогизма считалась первым условием всякого убеждения. Сначала силлогизм доказывал веру против разума и подчинял ей разум силою разумных доводов. Но эта вера, логически доказанная и логически противопоставленная разуму, была уже не живая, но формальная вера, не вера собственно, а только логическое отрицание разума. Потому в этот период схоластического развития католицизма, именно по причине собственной рациональности, Западная церковь стала врагом разума. В современной И.В. Киреевскому культуре начавшийся логический процесс развился до крайности. Восточное же Христианство не знало ни этой борьбы веры против разума, ни этого торжества разума над верою. Потому и действия его на просвещение не были похожи на католические.

Еще одной причиной появления границы, разделяющей пространства культуры Запада и России, как показал И.В. Киреевский, является различное общественное устройство. В западной культуре складываются общества маленькие, так называемые миры. Частная, личная самобытность, основа западного развития, была в России мало известна. Человек принадлежал миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была в России принадлежностью общества. Лицо участвовало

в праве владения в той же степени, в какой входило в состав общества. Но это общество не было самовластным и не могло само себя устраивать, само изобретать для себя законы, потому что не было отделено от других ему подобных обществ, управлявшихся однообразным обычаем. Пространство России было все покрыто сетью церквей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду отдельные понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение – в обычай, который заменял закон, распространявший по всему пространству земель, подвластных нашей Церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни. Это повсеместное однообразие обычая было, в свою очередь, одною из причин его невероятной крепости, сохранившей его живые остатки даже до нашего времени, сквозь все противодействие разрушительных влияний, стремившихся ввести вместо него новые начала. Вследствие этих крепких, однообразных и повсеместных обычаев всякое изменение в общественном устройстве, не согласное со строем целого, было невозможно. Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же предопределенном порядке подчинялась семья миру, мир более обширный – сходке, сходка – вечу и т.д., до тех пор, пока все частные круги не смыкались в одном центре, в одной Православной Церкви. Никакое частное разумение, никакое искусственное соглашение не могло основать нового порядка, выдумать новые права и преимущества. Даже самое слово «право» было в России неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду. На Западе, напротив того, все отношения общественные основаны на условии или стремятся достигнуть этого искусственного основания. Но и в том и в другом случае этот произвол доказывает не развитие внутренней жизни, а развитие внешней, формальной. Все силы, все интересы, все права общественные существуют там отдельно или в искусственном соглашении. В первом случае торжествует материальная сила, во втором – сумма индивидуальных разумений. Но материальная сила, сумма индивидуальных разумений, в сущности, составляют одно начало, только в разных моментах своего развития. В этой связи И.В. Киреевский характеризует общественный договор не как изобретение энциклопедистов, но действительный идеал, к которому стремились без сознания, а теперь стремятся с сознанием все западные общества под влиянием рационального элемента, перевесившего элемент христианский.

Россия, не принимая чужого развития, собирала начала знания путем чтения, перевода трудов греческих святых отцов. Предтечей университетов были русские монастыри, находившиеся в живом, постоянном соприкосновении с народом. Таким образом, просвещение в России, по оценке И.В. Киреевского, хотя и не было блестящим, но становилось глубоким. Его нельзя назвать роскошным, материальным, имеющим целью удобства наружной жизни. Просвещение было внутренним, духовным. Общественное устройство России без самовластия и рабства, вековые обычаи без писаных кодексов, исходящие из Церкви и крепкие согласием нравов с учением веры; святые монастыри, поддерживающие христианское устройство, духовное сердце России, – вот факторы, сохранившие все условия будущего самобытного просвещения.

Связывая кризис в современной ему культуре России с ослаблением православного христианского духа, нивелированием особенностей русского быта, И.В. Киреевский понимает, что их насильственное возвращение было бы смешным и вредным. Но и истребление оставшихся форм было бы губительным для России, для судеб ее просвещения.

Таким образом, И.В. Киреевский как выразитель взглядов русских мыслителей первой половины XIX в., представляя анализ генезиса смыслов пространства русской культуры, исследуя основания подлинной образованности, доказывает, что пространства образования России и Запада разделены границами. Их конфигурация, обусловленная различными ценностными системами, определена разными направлениями христианства, формами общежития, спецификой быта, доминированием рационализма, приоритетом либо индивидуального, либо коллективного. Смыслы, аккумулированные в пространстве русской культуры, определяют и специфику границ пространства просвещения России: исторически оно оберегало идею цельного духа, культивировало ее востребованность, способствовало обретению целостного духовного опыта. Просвещение, понятое как дарование света не только умственного, научного, но и нравственного, не только как поучение истинам, но и добру, и есть просвещение полноценное. Образование, будучи направлено и на ум, и на сердце, связано с целостным развитием человека, его умственных и нравственных сил. В противном случае, обеспечиваемое только наукой, оно является односторонним и не ведет к добру.

Список литературы

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. – М.: Изд-во Институт ДИ-ДИК, 1999.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб., 1882. – Т. 3. – С. 508.

3. Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Изд-во политической лит-ры, 1991. – 464 с.

4. Каган М.С. Пространство и время как культурологические категории // Вестник СпбГУ. Сер. 6. – 1993. – Вып. 4.

5. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России (письмо к графу Е.Е. Комаровскому) // Киреевский И.В. Разум на пути к истине. – М.: Правило веры, 2002. – С. 151–213.

6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 2004.

7. Софронова Л.А. и др. Категории и концепты славянской культуры. – М.: Институт славяноведения РАН, 2007. – 800 с.

8. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983.

9. Флоренский П.А. Анализ пространственнности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М.: Мысль, 2000. – С. 79–42.

10. Харламова Г.С. Пространство образования: культурологический анализ. – Ростов н/Д: Рост. гос. строит. ун-т, 2013. – 146 с.

References

1. Gachev G.D. Nacionalnie obrasi mira. Evrasia – cosmos cochevnika, zemledeltsa i gortsa. M.: isd-vo Institut DI-DIC, 1999.

2. Dal V. I. Tolkovy slovar jivogo velikorusskogo jazika: v 4 t. SPb., 1882. T. 3. pp. 508.

3. Ilyenkov E.V. Filosofia i kultura. M., 1991. 464 p.

4. Kagan M.S. Prostranstvo i vremya kak kulturologicheskie kategorii // Vestnik SpbGU. Ser. 6. 1993. vip. 4

5. Kireevsky I.V. O kharaktere prosvesheniya Evropi i ego otnoshenii k prosvesheniyu Rossii (pismo k grafu E.E. Komarovskomu) V kn.: Kirievsky I.V. Rasum na puti k istine. M.: «Pravilo veri», 2002. pp. 151–213.

6. Leontiev A.N. Deyatelnost. Sosnanie. Lichnost. M., 2004.

7. Sofronova L.A. i dr. Kategorii i concepti slavyanskoy culturi. M., 2007. 800 p.

8. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. M., 1983.

9. Florensky P.A. Analis prostranstvennosti <i vremini> v hudojestvenno-izobrazitelnih proizvedeniyah // Florensky P.A. Statiy i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arheologii. M.: Misl, 2000. pp. 79–42.

10. Kharlamova G.S. Prostranstvo obrazovaniya: culturologichesky analis. Rostov n/D, 2013. 146 p.

Рецензенты:

Жаров Л.В., д.ф.н., к.м.н., профессор, заведующий кафедрой «История и философия», ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный медицинский университет» Минздрава РФ, г. Ростов-на-Дону;

Тахтамышев В.Г., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой «Философия и история Отечества», ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный университет путей сообщения» РОСЖЕЛДОР, г. Ростов-на-Дону.

Работа поступила в редакцию 30.04.2014.